

18+

Ольга Баранова

Живая коллекция

Истории любви

Ольга Баранова
Живая коллекция.
Истории любви

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73210658
ISBN 9785006913363*

Аннотация

Здесь собраны истории любви из уже опубликованных книг писательницы – «Под чёрной мантией любви», «Шанс на любовь», «Я буду тебя любить всегда», «Жизнь человека».

Содержание

Часть 1. Пламя любви	6
Часть 2. Огонь и лед	8
Часть 3. Развязка	14
Часть 1. Клетка	19
Часть 2. Начало конца	24
Часть 3. Освобождение	53
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Живая коллекция

Истории любви

Ольга Баранова

© Ольга Баранова, 2026

ISBN 978-5-0069-1336-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
ПОД ЧЕРНОЙ МАНТИЕЙ ЛЮБВИ.

Вступление.

Это необычная история любви в рабочей обстановке. Она бежала на встречу к нему – блюстителю законов, вершителю судеб, к нему- просто к любимому человеку. Она искала с ним встреч, прикрываясь любым нелепым поводом. Она дышала им одним.

Рядом с ним вселенная останавливалась, мир молчал, существовало только его слово, только его запах.

Любовь бывает разная – взаимная и не взаимная. Бывает даже так, что один использует другого ради своей выгоды,

а другой может и понимает эту игру, но все рад быть обманутым.

История наших героев необычная, но так бывает в жизни. В жизни все бывает, она такая непредсказуемая, что может даже произойти то, о чем ты и подумать не мог.

Много слов, давайте перенесемся в мир наших героев, посмотрим на их будни.

Часть 1. Пламя любви

Здание суда. Здесь Кира проводила очень много времени. Процесс за процессом, дни мелькали очень быстро.

Она была адвокатом. Выигрывала дела и чувствовала себя гордой за свои успехи. Но против пристрастия, к одному человеку, она не могла устоять.

Только в его присутствии ей было хорошо и комфортно. Это был тот человек, рядом с которым ее душа пере, а сердце бешено выпрыгивало из груди. Хотя у них были только деловые отношения. Но у нее голова кружилась от запаха его одеколona.

Мир останавливался, когда они обсуждали дела. Она следила за движением его губ, рук так внимательно, что это невозможно было не заметить.

Когда то они познакомились в обстановке судебного процесса. Она так переживала, это тогда был ее первый процесс. У нее были ледяные руки от волнения. Она с большим трепетом ждала появления судьи в зале и казалось, что когда он войдет она рухнет без чувств.

Немного позже они вновь встретились в неформальной

обстановке и между ними была вспышка, завязался бурный роман.

Этот роман не увенчался успехом, они расстались. И через несколько лет вновь встретились в судебном процессе и все было как тогда, в точности. Она понимала всегда, что ее любовь к нему сильнее всех преград.

Он был самой тишиной перед ударом грома. Роман Андреевич Волошин – федеральный судья. На процессе он был строгим: его взгляд, голос, заставляющий биться ее сердце сильнее, взвешивающий каждое слово. Он смотрел на подсудимых, коллег и на нее, Киру, с одним и тем же ледяным спокойствием. И именно это ее зацепило.

Все вновь началось с профессионального интереса, который перетек в опасную зону. Они каждый раз сталкивались в судебном процессе.

Ей нравилась его строгость, его власть, он так ее пронзал до мурашек по коже. Когда она его видела, у нее такая дрожь внутри была, что она вздрагивала. Как он проводил судебные процессы, на это она могла смотреть вечно.

Бывало, он улыбнется ей так, чтоб никто не видел, она готова в этот момент была упасть в обморок.

Часть 2. Огонь и лед

Однажды она зашла к нему в кабинет, обсудить предстоящее дело, которое было у него и по которому она выступала в роли адвоката.

Он стоял повернувшись к окну.

– Здравствуйте. Как поступим с сегодняшним решением? –спросила Кира, чувствуя, как учащается пульс.

Она не могла даже нормально слово сказать в его присутствии. Земля уходила из под ног, сердце стучало бешено.

Он медленно повернулся. Его глаза в полумраке казались совсем черными.

– Справедливость – это не эмоция.

– А человеческий фактор? Он ведь всегда есть.

– Его стоит минимизировать. Как и личные связи.

Ирония этой фразы пронзит ее гораздо позже. А тогда это прозвучало как вызов. Вызов, который она, с ее-то темпераментом, не могла проигнорировать.

Он удивлял ее эрудицией, умом, правильность речи. Она готова была его слушать часами. Он был другим – не судьей

в мантии, а человеком. Труднодоступным, сложным, но человеком.

Она – огонь.

Он – лед.

Оба такие разные. У нее холодели руки, когда она видела его, когда она слышала его. Он же был холодным, таким же, как и его взгляд в ее сторону.

Их поцелуй случился в его же кабинете, после окончания рабочего дня. Она зашла «задать вопрос по делу». Дверь закрылась, и тишина комнаты, пахнувшая властью. Он прижал ее к стеллажу с законодательными томами, и его поцелуй был не жадной, а захватом территории. Она на мгновение растерялась, но позволила этому поцелую быть.

Это было неожиданно для нее, она и мечтать не могла, ведь у них были деловые отношения. Но это и было началом конца.

Так начался их бурный, скрытый от всех. Страсть была, как атомный реактор, взрыв: встречи в дачных домах, ночи в нейтральных гостиницах. Он был изумительным любовником – внимательным, выносливым, но всегда с отстраненностью в глазах, которую она принимала за профессиональную

привычку к сдержанности.

Он говорил:

– Ты – мое единственное исключение из правил.

Она верила.

Он говорил:

– С тобой я могу быть не судьей.

Она чувствовала себя избранной.

Он спрашивал:

– А что, если твое дело окажется у меня? Сможешь отключиться?

Она, смеясь, отвечала:

– Я всегда побеждаю. Даже если судья – ты.

Оглядываясь назад, она понимала: все ключи были на виду. Он всегда ловко выводил разговор на ее дела, ее клиентов, ее стратегию. Интересовался, нет ли у нее «особо слож-

ных процессов на горизонте». Она, окрыленная доверием, иногда делилась общими контурами, не вдаваясь в детали. Он давал советы – всегда безупречные с юридической точки зрения. Она считала это игрой, союзом двух блистательных умов.

За окном был дождь. Только что был завершён очередной судебный процесс. Зал суда мгновенно опустел, остались только они.

Волошин подошел к Кире, обнял ее за талию и притянул к себе.

– А люди? – спросила она, не отводя глаз.

– Где ты здесь людей видишь? Мы одни.

– А вдруг кто то зайдет?

– Не зайдёт

Он поцеловал Киру, расстегивая пуговицы на ее блузке.

– Нет, не здесь, пожалуйста – сказала Кира застегивая пуговицы обратно.

Ей очень хотелось, что он продолжал, но страх брал над собой власть и не зря.

В дверь постучали. Судебный пристав, проверяющий по-

мещения. Магия мгновения развеялась, как дым.

– До следующего заседания, ваша честь, – сказала Кира, взяв сумку сумку.

– До следующего раза – кивнул он.

Вечером Кира встретила с Волошиным, они поехали к нему на дачу. Он открыл шампанское. Они сидели у камина и наслаждались, как в тишине потрескивают дрова. Волошин поставив бокал на маленький столик, взял Киру за руку и притянул к себе.

Его руки легли ей на талию, обжигая кожу даже через толстую ткань свитера. Она откинула голову назад, касаясь затылком его груди. В отражении в тёмном стекле окна их силуэты сливались в одно целое.

– На завтрашнем заседании мы снова увидимся? – прошептала она, закрывая глаза.

– Конечно, я не собирался переносить процесс

Он наклонился, и его губы коснулись её шеи, чуть ниже мочки уха.

– Но сейчас – не зал суда. И я – не судья.

Она повернулась к нему. В его глазах, обычно холодных и пронизательных, как сканер, были отблески уличных огней и что-то горячее.

Его рот нашёл её губы. Поцелуй был не вопросом, а приговором.

Он снял с неё свитер одним плавным движением. И в этот момент никакого наказания не существовало, кроме взаимного.

Она полностью утонула в нем и не видела очевидных вещей, хоть и не была глупа.

Часть 3. Развязка

Развязка наступила на одном из процессов. Дело было громким, миллионные суммы, репутации. И вот оно вновь пришло в руки Волошина.

Она вошла в зал, встретила с его взглядом. Ни единой искры. Тот самый монолит. Она подумала: «Какой он профессионал». И провела процесс виртуозно. Ее речь была шедевром. Суд удалился на совещание.

Вердикт был сокрушительным. В пользу другой стороны. Ее доводы, казавшиеся железными, были разбиты в пух и прах формулировками решений, будто кто-то знал их слабые места заранее. Она проиграла. Сокрушительно, публично.

Вечером она приехала к нему. Не в суде, а в их месте. Ждала утешения, поддержки, слов о том, что это просто судебная ошибка.

Он открыл дверь. На нем был халат. Он пил коньяк.

– Ты же видел, как я вела дело! – вырвалось у нее, едва дверь закрылась. Их доказательства были смехотворны! Как

можно было...

– Кира, – он перебил ее, голос был спокоен, как всегда. Ты эмоциональна. Ты проиграла. Прими это с достоинством.

И тут она увидела. На столе в гостиной лежала папка. На ней был логотип противника, той фирмы, которой она проиграла. Рядом – ключи от новой, шикарной машины, которую он вчера сказал, что взял в лизинг.

Мир перевернулся. Не сразу. Словно картинка в калейдоскопе, все щелчки-события сложились в один узор – беспощадный и ясный.

– Ты... Ты спрашивал меня об этом деле полгода назад. Я упомянула фамилию истца...

– Я сказал: минимизируй личные связи, – произнес он, делая глоток. В его глазах не было ни злобы, ни торжества. Ничего. Пустота. Это была не связь. Это была операция. Тебя было интересно завоевать внимание судьи. А мне – твое доверие... Ты сама рассказала мне, на чем строится твоя защита. Остальное было делом техники.

Она чувствовала, как земля уходит из-под ног. Не от злости. От стыда. Стыда за свою слепоту, за свою наивность, за то, что позволила чувствам, этим ненадежным, пьянящим чувствам, взять верх над инстинктом самосохранения.

– Ты использовал меня, – тихо сказала она. Это был не вопрос.

– Мы использовали друг друга, – поправил он. Ты хотела покорить судью. Покорила. Я хотел выиграть дело. Выиграл. Мы квиты.

В тот вечер она ушла, хлопнув дверью. Но не в слезах. Ее глаза были сухими и жгучими. Она сожгла все, что напоминало о нем. Сменила номер. Погрузилась в работу.

Прошло два года. Кира снова была на вершине. Но это была другая вершина.

.Через время ей предложили новую должность – судьи. Не просто должность, а кресло судьи Волошина.

Спустя еще два года, у нее состоялся судебный процесс. Дело, где истец был Волошин – тот самый. Ктоа вынесла вердикт не в его пользу.

Он был возмущен происходящим и зашел к ней в кабинет.

– Кира, я думал ты будешь на моей стороне.

– Я на стороне закона!

– Ты мне мстишь?

– Нет. Никакой личной заинтересованности. Только про-

фессиональная оценка. Помнится мне судья Волошин всегда говорил, что личные связи стоит минимизировать. Я с ним полностью согласна.

Заключение.

Счастье в простом – любить себя.

Как говорят в народе – “ не руби сук на котором сидишь “ или же – “ Не плюй в колодец из которого придется напиться».

Так и с нашими героями произошло. Он – судья, обладающий полной властью. Она

– Адвокат, которая не просто вела дела в суде, она доверяла ему, вплоть до того, что рассказывала, о чем следовало молчать.

Предательство с его стороны, нож в сердце, вернулось ему с двойной дозой.

ШАНС НА ЛЮБОВЬ.

Пролог

Любовь не всегда пахнет ванилью и дождем. Иногда она пахнет дымом от сигареты «Мальборо», бензином от мопе-

да и дешевым одеколоном, который щиплет глаза, когда ты прижимаешься к коже его шеи. Моя любовь была именно такой. Острой, горькой, липкой. Как соль на открытую рану. Сначала – невыносимое жжение, а потом – странное, болезненное привыкание. Без этой жгучести рана казалась бы мертвой.

Часть 1. Клетка

Город окутал туман. Через густоту этого мрака с трудом можно было разглядеть свет фар проезжающих машин. Тускло горели фонари. Диана сидела на балконе, укутавшись в плед и вспоминала хорошие моменты из их жизни с Марком.

– Что то он задерживается

– — подумала она.

Марк был любовью всей ее жизни. Без него она не могла дышать. И сейчас из ее души выливалась вся та боль, которую он ей причинил за два года совместной жизни.

Диана зашла в комнату, села за стол и стала писать...

Записи Дианы.

Его звали Марк. Он вошел в мою жизнь не как человек, а как атмосферное явление. С громом, ослепительной вспышкой и ощущением, что после этого воздух навсегда изменился.

В предновогоднюю ночь, я шла домой с пакетом манда-

рин. Было много снега, дороги были скользкие и я не заметила машину, которая с бешеной скоростью неслась на меня. Я закрыла глаза и услышала громкий скрип тормозов, от испуга я поскользнулась и упала. Из машины вышел молодой человек, красивый, высокий.

Он протянул мне руку.

– Куда спешим? – спросил он.

– Домой – ответила я.

Он помог мне подняться и предложил подвезти до дома. Я угостила его мандаринкой. По дороге мы познакомились.

Он смеялся, шутил. Мы обменялись номерами телефонов и на следующий день снова встретились.

Так мы начали встречаться, наш роман не был бурным и страстным. Он был похож на медленное раскрытие бутонна. Мы писали свою книгу вместе. Букет к каждому выходу книги, которую он реставрировал.

Он был нежен, очень нежен. Я влюблялась с каждым днем все больше. Мне было так хорошо с ними. Я перестала общаться с подругами, друзьями, с родственниками, для меня существовал лишь он.

Вскоре он предложил переехать к нему. Я была счастлива, как никогда.

Но с этого момента и началось самое интересное. Когда я к нему переехала, он изменился. Это был уже не тот Марк – ласковый и нежный. Это был одержимый человек. Для которого нужно было создавать комфорт, его собственный мир.

Я должна была надевать только то, что он хотел бы на мне видеть. Делать только то, что он пожелает. Общаться мне ни с кем нельзя, а когда приходили его друзья, я должна была подать еду и уйти, не появляясь до их ухода. Он не желал, чтобы на меня смотрел кто то еще.

Мир с ним приобрел насыщенные, ядовитые краски. Без него – выцветал до серого. Он мог не звонить три дня, а потом появиться под дверью в три ночи с синяком под глазом и сказать: «Соскучился». И эти слова значили больше, чем ежедневные «доброе утро» от кого-то другого.

Абьюз не начинается с удара. Он начинается с едва уловимого сдвига реальности. С фразы: «Ты так наивно понимаешь этот фильм, я объясню». С легкого насмешливого взгляда на мою одежду: «Опять в этом мешке?» С ревности к подруге, к книге, к собственным мыслям. Он отсекал от меня все, как садовник обрезает лишние побеги. Оставлял один ствол – себя.

Первая ссора. Первый раз, когда он схватил меня за запястье так сильно, что остались синяки. Его глаза после – огромные, полные ужаса и раскаяния. Он плакал у моих ног, называл себя чудовищем, бился головой о стену. Я... утешала его. Я чувствовала себя избранной. Видите, он настолько вне себя от любви ко мне, что теряет контроль. Это же по-настоящему. Это не аквариум. Это океанский шторм.

У нашей любви была своя химия, точнее – биохимия. Резкие выбросы адреналина во время ссор. Дофаминовый взрыв, когда после ледяного молчания приходило примирение. Он был мастером «сахарных» периодов. Неожиданные цветы (хотя он говорил, что это пошлость), прогулка за город, где он был нежным и смешным, ночные разговоры по душам, где он признавался в своих детских травмах. Я чувствовала себя его спасительницей, его святой. Той, чья любовь сильнее его демонов.

Но демоны крепи. Оскорбления становились тоньше и больнее. Изоляция – полной. «Твои подруги – курицы, они тебя не стоят». «На работе тебя используют». Деньги, которые я давала ему «до зарплаты», исчезали. Обещания рушились. Вина за его срывы ложилась на меня: «Если бы ты не грузила меня своими глупостями, если бы ты просто была рядом молча...»

Удары теперь приходились не по телу, а по душе. Но иногда – и по телу тоже. Оправдание было всегда одно: «Довел».

Дно не было громким. Оно было тихим и влажным. Я стояла на кухне в три часа ночи и мыла чашку, которую он разбил об стену три часа назад. В квартире пахло пивом и злостью. Он спал в комнате. На моей щеке горел след от пощечины, но я чувствовала пустоту. Я посмотрела на свои руки в тазу с водой. Руки чужой женщины. Усталой, запуганной, потерянной.

Я вспомнила, как он неделю назад, в один из «сладких» дней, гладил меня по голове и сказал: «Ты никогда от меня не уйдешь. Никто не будет любить тебя так, как я. Никто не вытерпит тебя так, как я».

И в этот момент, среди осколков и мыльной пены, во мне что-то щелкнуло. Не громко. Как тихий, четкий замок. Это был не крик протеста. Это был внутренний голос, который произнес: «Это ложь».

Часть 2. Начало конца

Мысли Дианы, которые она с фанатизмом излагала в тетради прервал стук захлопнутой двери.

– Марк – тихо произнесла она про себя.

Шаги приближались к комнате. Диана закрыла быстро тетрадь и спрятала ее в ящик стола.

– Ты живешь как в аквариуме, – заявил он, глотая дым. –
Всем удобно, чисто, тихо. И скучно до тошноты.

– Что ты имеешь ввиду?

– Что это за халат на тебе? Так ты меня встречаешь?

– А что ты хочешь на мне видеть?

Марк протянул Диане платье. Она надела его. Оно было красного цвета, облегалo по фигуре и очень короткое. Он заставил её надеть туфли на шпильке.

– Совсем другое дело, танцуй для меня – заявил он.

И она танцевала. Он взял ее за руку и притянул к себе. Эта любовная вспышка отдавала грубостью, он готов был ее разорвать, во время любовной сцены он повторял.

– Сладкая, какая же ты сладкая.

После, он закурил и сказал:

– Собирайся, сегодня идем на вечеринку. Помни, ты должна затмить всех. Моя девушка должна быть самая красивая.

Она покорно подчинилась.

Они пришли в ночной клуб “Глобус».

Сверкающая тьма поглотила ее, едва она переступила порог. Звук был не просто громким – он был физической субстанцией, плотной и пульсирующей, которая билась в такт вспышкам света, разрывающим темноту. Воздух, густой от ароматов дорогого парфюма, холодного дыма и человеческого тепла, вибрировал низкочастотным гулом.

Марк крепче сжал руку Дианы, ведя её сквозь водоворот тел. Мерцающие лучи синего и пурпурного света на мгновение выхватывали из мрака лица – смеющиеся, сосредоточенные, закрытые, – чтобы в следующую секунду снова утопить их в небытии. Ритм, исходивший от гигантских колонок, совпадал с биением крови в висках.

«Хочешь выпить?» – крикнул он ей прямо в ухо, его губы едва коснулись мочки. Его дыхание было тёплым островком в этом ледяном царстве искусственного ветра.

Она не ответила словами, лишь кивнула, её глаза сияли отражённым неоновым огнём – два тёмных озера, в которых плясали блики. В её взгляде читалось не только волнение, но и вызов.

Они протиснулись к длинной, подсвеченной изнутри барной стойке, где танцующий в воздухе дым клубился вокруг бокалов, наполненных жидкостью цвета драгоценных камней. Бармен в идеально отутюженной белой рубашке ловил их взгляд, его движения были точными и быстрыми, как у фокусника.

Пока Марк заказывал, Диана обернулась, прислонившись спиной к прохладной стойке. Она наблюдала. За танцполом, где тела, освобождённые от дневных условностей, сливались в единый, дышащий организм. За тёмными углами мягких диванов, где шёпот был ценнее крика. За вспышками искреннего, неконтролируемого смеха, который был виден, но не слышен сквозь всепоглощающий бит.

Ей подали бокал. Холодное стекло в руке, кисло-сладкий

вкус на губах – ягодный взрыв, за которым следовала терпкая прохлада. Марк смотрел на неё, взглядом хищника.

Без единого слова Марк взял её бокал и поставил рядом со своим. Его рука мягко легла на её талию, а её пальцы сплелись с его пальцами. И они двинулись туда, где сходились свет и тень, чтобы раствориться в толпе, превратившись ещё на один миг в часть этого огромного, дышащего ритмом существа – но при этом оставаясь абсолютно, неразрывно своими.

Внезапно появились друзья Марка.

– Привет – поздоровался Марк.

– — пойдёмте за столик- предложил Андрей.

Они присели за столик.

Марк ловил взгляд Дианы и едва заметно качал головой, указывая глазами на её почти полный бокал с вином. Улыбка на её лице замерла, стала натянутой. Она тут же отпила глоток, торопливо, почти с благодарностью. Он кивнул, одобрительно. Хорошая девочка.

– Я в следующем месяце хотел поехать в Питер, не хотите составить мне компанию – предложил Андрей.

Марк улыбнулся широко и открыто. – У нас, кстати, то-

же были планы на следующий месяц. Но, кажется, Дианочка совсем забыла про мой день рождения? Придется их перенести. Она у меня такая, забывчивая.

Он говорил ласково, с любовной укоризной, и Андрей заулыбался. «Ну что с нее взять, влюбленная», – хмыкнул он. Диана покраснела. Планов не было. Он никогда не говорил о них. Она напряглась до каменной твердости.

– Я... я не забыла, – прошептала она.

– Конечно, не забыла, – он подошел к ней, потрепал ее по волосам, и каждый его палец был словно раскаленная игла. – Просто голова занята всякой ерундой. Давай-ка сходишь за коктейлем для всех? Мой, ты знаешь.

Это был не вопрос. Это была проверка, ритуал. Вспомнит ли в точности, какой он любит, после трех его «нет» и одного унижительного «ты что, не можешь запомнить?» в прошлый раз. Диана встала, походка была немного скованной, будто все мышцы свело.

Все наблюдали за ней задумчиво.

– С ней все в порядке, Марк? Выглядит уставшей.

– Заботится слишком много, – отмахнулся он, следя глазами за удаляющейся фигуркой Дианы. – Я же говорю – за-была про мой праздник, теперь сама не своя от угрызений. Но ничего, я помогу ей все исправить.

Когда Диана вернулась, осторожно расставляя бокалы, ее рука дрогнула, и капля ликера упала на его запястье. Время замерло. Она застыла, глаза расширились от ужаса, большего, чем если бы она пролила стакан кислоты. Андрей засмеялся, не видя этого ужаса, приняв его за обычную досаду.

Марк медленно, на глазах у всех, поднес запястье к губам и слизнул каплю. Его глаза, темные и непроницаемые, не отрывались от ее побелевшего лица.

– Ничего страшного, – сказал он так тихо, что услышала только она. – Потом разберемся.

И снова улыбнулся друзьям, обняв Диану за талию и притянув к себе. Она прижалась к нему, будто ища защиты, а он знал, что она ищет лишь способ стать меньше, невидимей, раствориться в этом шуме и дыме. Он гладил ее по руке, а подушечки его пальцев оставляли невидимые синяки на ее душе. Концерт унижения на сегодня был окончен. Публика аплодировала, даже не подозревая, что видела спектакль.

Дверь захлопнулась с таким глухим стуком, что будто отрезала последнюю нить, связывающую с внешним миром. Тишина в прихожей была внезапной и густой, контрастируя с гулким эхом только что пережитого вечера. Воздух пахло холодом с улицы, его дорогим парфюмом и едва уловимой нотой чего-то прокисшего – то ли от выпивки, то ли от накопившейся усталости.

Он снял пальто, небрежно кинул его на вешалку, и этот жест был первым аккордом в новой, домашней симфонии. Его движения, еще час назад такие плавные и увлеченные в кругу друзей, стали тяжелее, определеннее. Он повернулся к ней, и в его глазах, которые при посторонних искрились самоуверенным юмором, теперь плавала та знакомая ей мутная пленка – смесь утомления и притязания на территорию.

Он прошел в гостиную, и звук его шагов по паркету отдавался в её висках. Он налил себе виски, не предлагая ей. Звон льда в бокале был удивительно громким в этой тишине.

«Ну что, повеселилась?» – его голос прозвучал тихо, но не мягко. Это был не вопрос, а первая линия разметки. В его интонации она услышала то, чего не слышал никто на вечеринке: легкий упрек за её слишком заразительным смехом, за то, что она на секунду дольше обычного говорила с его другом о каком-то пустяке, за её «неправильную» шут-

ку, которую он тут же, при всех, сгладил своей, перехватив внимание.

«Ты, конечно, сегодня очень старалась, – произнес он, глядя на золотистую жидкость. – Прямо душа компании. Особенно с Андреем». Имя было брошено как обвинительный акт.

«Да, было здорово. Твои друзья такие интересные», – проговорила она, голос звучал фальшиво даже в её собственных ушах. Она знала, что это ловушка. Если согласится, что было весело – обвинят в легкомысленности, в желании привлечь внимание. Если скажет, что не очень – начнется допрос, почему она портила всем настроение.

Комната, их общее пространство, внезапно сузилось до размеров его недовольства. Стены, которые днем казались просто стенами, теперь давили. Он не кричал. Он никогда не кричал сразу. Он анализировал, выискивал слабые места, закладывал микро-мины под её уверенность. Возвращение домой с ним никогда не означало пристанища. Это означало переход на другую, закрытую сцену, где занавес для зрителей уже опущен, и начинается настоящая, пьеса, где у неё только одна роль – виноватой.

И она стояла посреди прихожей, все еще в своем наряд-

ном платье, чувствуя, как краска веселья сползает с неё, обнажая холодную кожу страха. Вечер только начинался.

Марк не утихал, допив виски, он встал и разбил стакан об пол. Диана пригнулась. Он схватил ее за волосы и отбросил, она упала на пол.

– Марк, пожалуйста – взмолилась она.

Но Марк был не в себе. Его глаза наполнились кровью. Он снова взял Диану за волосы.

– Ты будешь послушной! Ты будешь улыбаться только мне! – кричал он.

Она не чувствовала боль от его ударов, так как это не сравнится с той болью, что она испытывала в душе.

Сделав свое дело, Марк лег спать. Диана всю ночь пролежала на полу и рыдала.

На следующий день Диана не вышла на работу. Ее лицо было в синяках и опухший глаз.

Она легла на диван и попыталась уснуть, что не было так больно.

Дверь скрипнула.

Она замерла, глаза инстинктивно зажмурились, мышцы напряглись, готовые к удару. Но вместо грубой силы в комнате воцарилась тишина, а потом – шаги, осторожные, почти неслышные.

– Дианочка... – голос Марка звучал хрипло, неестественно мягко. – Ты не спишь?

Она не ответила. Притворилась спящей, чтоб переждать пока уйдет.

Но он сел на диван, который скрипнул, заставив ее непроизвольно вскрикнуть от внезапной боли. Он вздрогнул.

– Прости, – прошептал он сразу, ладонь протянулась, чтобы коснуться ее плеча, но зависла в воздухе. – Боже, прости меня. Я не... Я не хотел.

Диана медленно открыла глаза. Он сидел, ссутулившись, в тех же самых джинсах, что и вчера. Волосы сваялись, глаза красные, опухшие. В правой руке он сжимал два стакана: в одном дымился чай, в другом – вода. На подносе лежала

таблетка анальгина и бутерброд с сыром, аккуратно разрезанный пополам.

– Я принес тебе... Обезболивающее. И чай. С сахаром. Ты вчера почти ничего не ела, – он говорил быстро, сбивчиво, не смотря ей в глаза.

Его взгляд скользил по синяку у ее виска, по царапине на шее, и он морщился, будто самому ему было больно.

–

– Диана, я... Я с ума сошел. Это не я. Клянусь. Это был не я.

Он поставил поднос на тумбочку, руки его дрожали. Чай расплескался на дерево.

Он наклонился вперед, уткнувшись лицом в одеяло возле ее ног. Плечи его вздрагивали.

– Прости меня. Пожалуйста. Я умоляю. Я всё исправлю. Я никогда больше... Никогда. Ты самое дорогое, что у меня есть. Я закопаю себя живьем за то, что сделал. Просто дай мне шанс. Один шанс.

Он поднял на нее взгляд. В этих глазах сейчас была такая бездонная мука, такое раскаяние, что на мгновение сердце Дианы сжалось старой, глупой жалостью. Она помнила этого

человека – того, который в первые месяцы носил ее на руках, который плакал, смотря душевные фильмы, который заваривал ей ромашковый чай, когда она болела. Куда он девался?

– Я люблю тебя, – выдохнул он, и его пальцы, холодные и влажные, наконец коснулись ее руки. Нежно. Как будто она была хрустальной. – Я без тебя умру. Ты веришь мне? Скажи, что веришь.

Диана смотрела на его руку, сжимающую ее пальцы.

Она молчала. Больше всего на свете ей хотелось сейчас поверить. Поверить, что этот кошмар закончился. Что тот, кого она любила, вернулся. Что завтра будет лучше. Что это был последний раз.

Она знала цену этим словам. Она слышала их уже много раз.

– Дай мне просто быть с тобой сегодня, – попросил он, и его голос звучал так сломано, так искренне. – Позволь мне помочь. Позволь заслужить прощение.

И, глядя в его полные слез глаза, чувствуя, как ее собственная душа разрывается между страхом и надеждой, Диана медленно, почти неощутимо, кивнула.

Этот кивок был самым страшным предательством по отношению к себе самой. Но в эту секунду он казался единственным способом выжить – до следующего утра.

Во второй половине дня к Диане пришел коллега по работе – Денис, обсудить важные моменты. Когда Диана открыла дверь. Денис обсмотрел ее с ног до головы.

– Господи, что с тобой – спросил он.

– Да так, упала, заходи.

Денис вошел, он смотрел на Диану и он с трудом верил в ее версию с падением.

Вдруг скрипнула дверь, Диана замерла, в комнату вошел Марк.

Тишина была густой.

Диана слышала только тиканье напольных часов в гостиной и бешеный стук собственного сердца где-то в горле.

Марк медленно подошел, как в замедленной съемке. Его лицо, обычно такое гармоничное и умеющее быть нежным, теперь было маской вежливого, почти научного интереса.

– И что мы здесь так оживленно обсуждаем? – спросил тихим голосом Марк

Диана сделала глоток воздуха, пытаясь звучать естественно.

– Да... Да, по работе. Денис....

– Денис, – перебил Марк, и имя прозвучало как щелчок затвора. Он сделал шаг вперед, из тени в полосу света от торшера. – Денис Макаров. Твой старый... университетский приятель. Ты не упоминала, что вы работаете вместе.

– Я просто...

– Странное совпадение, – он улыбнулся. Уголки губ поднялись, но глаза оставались плоскими, темными, как две дыры в вечности.

– Мы просто поговорили, Марк. О работе. Диана не вышла сегодня, остались неразрешенные вопросы.

– О работе, – повторил он, приближаясь. Он не шел, а словно плыл, заполняя собой пространство комнаты. Его парфюм, который она раньше любила, теперь пахнул химической горечью. – О тех временах, когда ты была... свободнее. Когда позволяла себе больше.

– Это не так, – прошептала она, отступая к книжной полке. Спиной она чувствовала корешки книг – его книг, упорядоченных, выверенных, как солдаты на параде.

Он был уже в сантиметрах от нее. Не дотрагивался. Его сила была не в прикосновениях, а в этом поле ненависти и контроля, что исходило от него и давило на грудину.

– Ты думаешь, я не вижу? Ты думаешь, я не знаю, как ты опустошена здесь, со мной? – Он ткнул пальцем в воздух в направлении ее сердца, не касаясь. – И вот появляется кто-то из прошлого, кто напоминает тебе о какой-то иллюзии «настоящей жизни». И ты таяешь. Как дешевая свечка.

– Я не таяла! Мы просто разговаривали!

– ВРЕШЬ! – хлопок его ладони по полке рядом с ее головой прозвучал громче выстрела. Фарфоровая статуэтка – пастушка, подарок его матери, – вздрогнула и зазвенела тонким, болезненным звоном. – Ты врешь мне прямо в лицо. Твои глаза бегают. Ты вся дышишь этой ложью.

Он схватил ту самую фарфоровую пастушку. Держал ее в руке, рассматривая с странной нежностью.

– Я даю тебе всё, Диана. Дом. Стабильность. Забота о каждой твоей мысли. Я пытаюсь оградить тебя от всей этой

грязи, пошлости, от таких... пустых людей, как этот Денис. А ты... ты идешь и пачкаешься. Мыслями. Взглядами. Надеждами.

Он посмотрел на хрупкую фигурку в своей руке, затем на нее.

– Ты знаешь, что самое уязвимое в этом фарфоре? – спросил он почти ласково. – Не тонкость. А его иллюзия прочности. Кажется, что он вечен. Но стоит один раз уронить... или позволить чужим рукам прикоснуться...

Он протянул руку, и Диана инстинктивно зажмурилась, ожидая удара. Но его пальцы лишь коснулись ее щеки, провели по скуле – ледяным, влажным прикосновением змеи.

– Я не позволю, – прошептал он ей на губы, и его дыхание пахло мятой и чем-то металлическим. – Я не позволю никому разбить то, что принадлежит мне. И тебя в том числе. Ты понимаешь?

Она не могла говорить. Она лишь кивнула, чувствуя, как по щеке, по тому месту, где он провел пальцем, теперь катится предательская слеза.

Он отступил, поставил пастушку обратно на полку, поправил ее с маниакальной точностью.

– Обед стынет. Иди разогрей. И выбрось из головы этот спектакль. И его. Навсегда.

Он повернулся к окну, снова став силуэтом. Инцидент был исчерпан. Наказание совершилось – не криком, не рукоприкладством, а медленным, методичным раздавливанием ее воли, ее правды, ее прошлого. И оставило после себя лишь холодный, всепроникающий страх и звенящую, как тонкий фарфор, тишину, в которой теперь предстояло существовать до следующего раза.

Диана послушно поплелась на кухню, чувствуя себя не женой, не любовницей, а той самой пастушкой – красивой, безмолвной и полностью принадлежащей чужим рукам, которые могли в любой мир прикоснуться с нежностью или раздавить в пыль. Во имя любви. Всегда во имя любви.

Денис ушел. Марк зашел на кухню и как ни в чем небывало обнял Диану. Диана напряглась, каждое его прикосновение, было обжигающим кожу.

В пятницу день рождения Макса, приведи себя в порядок, наложи на лицо больше косметики, чтоб замазать синяки и одень то, свое золотистое платье.

Наступила пятница. Диана, как всегда подчинилась Мар-

ку. Она была неотразима. Опухоль с глаза сошла, синяки видно не было.

Гости все уже собрались. Марк и Диана немного опоздали. – Народ! – громко, с привычной ему безапелляционной улыбкой, произнес Марк, и несколько человек машинально повернулись к нему. – Поздняяк, виноват, пробки. А это – Диана. Поздоровайтесь с Дианой.

Он произнес это с легкой, почти невинной снисходительностью, как представляют дорогую, но немного капризную вещь. Диана робко улыбнулась, губы дрогнули. «Привет», – прошептала она, звук потерялся в гитарном риффе.

Макс, наблюдавший за этой сценой, почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он знал Марка годами. Знал его шутки, которые больно ранили. Знал его взгляд, который мог обездвигнуть. Знал, как он умел «воспитывать» тех, кто слабее.

Вечеринка попыталась жить дальше. Музыка играла, кто-то спорил о фильмах. Но в комнате теперь было две вечеринки. Одна – шумная, раскованная. Другая – тихая, компактная, с центром в лице Марка.

Он вел Диану за собой, не выпуская её локтя. Его пальцы

впивались в её тонкую руку так, что костяшки побелели.

– Смотри, какая милота, – сказал он, подводя её к фотографиям на стене. Его голос был громким, назидательным, будто он читал лекцию. – Это мы в прошлом году, на выезде. Видишь этого уроды? Это Витька. Полностью облысел с тех пор.

Диана кивнула, пытаясь улыбнуться. Её взгляд скользнул по фотографиям, но не видел их. Она видела только его руку на своем локте. Чувствовала только тяжесть его присутствия, которое заполняло собой всё пространство вокруг, оставляя ей лишь узкую щель для дыхания.

Макс подошел с двумя бокалами.

– Диана, давай знакомиться. Я Макс, именинник. Держи, вишневый мохито, без алкоголя.

Она потянулась за бокалом, но Артем был быстрее. Он взял бокал, сделал глоток и сморщился.

– Сладковато. И зачем без алкоголя? Она же взрослая девочка. Пойдем, я налью тебе нормального вина.

– Я... я не хочу вина, – тихо сказала Диана, и в её голосе

послышалась тончайшая, едва уловимая струна паники.

– Не хочешь? – Марк наклонился к ней, его улыбка стала широкой, игривой, но глаза остались плоскими и холодными, как голыши. – А я думал, мы договорились сегодня расслабиться. Не заставляй меня выглядеть скупым рыцарем, который своей принцессе вина не наливает.

Он говорил громко, чтобы слышали другие. Шутил. Но в шутке была стальная проволока. Диана покраснела. Её плечи сжались.

– Ладно, – выдохнула она. – Только чуть-чуть.

– Вот и умница, – он потрепал её по волосам, жест был одновременно снисходительным и собственническим. Он повел её к столу с вином, оставив Макса с двумя бокалами мохито.

Макс смотрел им вслед. Смотрел, как

Диана, взяв бокал, делает крошечный глоток. Как её глаза снова бегут по комнате, но не ищут знакомых или интересного – они ищут выход. Ищут способ стать невидимой. Смотрел, как Марк, положив руку ей на талию, что-то говорит ей на ухо. И как по её спине пробегает мелкая, предательская дрожь, которую она тут же пытается подавить, выпрямляясь.

Это была не девушка на вечеринке. Это был живой маяк тихого, ежедневного ужаса, который она принесла с собой в сумке, вместе с помадой и телефоном. И этот ужас, тихий и вежливый, теперь сидел с ними за одним столом, улыбался и поправлял салфетки, отравляя собой радость дня.

После вечеринки они вернулись домой.

Тишина в прихожей была густой и липкой, как сироп. Дверь закрылась с тихим, но окончательным щелчком, будто захлопнулась крышка гроба. Марк сбросил куртку на вешалку, и та закричала, протестуя против резкого движения. Весь вечер – этот бесконечный, фальшивый карнавал с дурацкими бумажными колпаками и душными тостами – он носил на лице маску правильного парня. Улыбка теперь агонизировала где-то в мышцах челюсти.

Он прошел в гостиную, тяжело ступая. Диана следовала за ним.

Марк остановился посреди комнаты, чувствуя, как внутри него поднимается и пузырится то самое невысказанное за вечер раздражение. Глупые шутки Егора, идиотский торт с соленым кремом, на который все делали вид, что это вкусно. Пластиковые улыбки. И эта тишина здесь, дома, которую

он сейчас нёс в себе как заряженное устройство.

Диана замерла, села в кресло, она узнавала эту интонацию. Тихий, холодный ледок, плывущий под поверхностью. Марк подошел к ней ближе, она ощутила на себе его горячее дыхание с запахом алкоголя.

– Марк, пожалуйста... Не сегодня. Я плохо себя чувствую.

– Я вижу, – он наклонился ближе.

Он провел пальцем по ее виску, жест был почти нежный, если бы не сила, с которой он прижал ее голову к креслу.

– Знаешь, что я думал, пока они пели «Каравай» этому болвану? Думал: моя Диана такая красивая.

– Марк, я прошу тебя, не сейчас.

Он повернулся к ней. Маска окончательно спала. В его глазах стояла та самая, накопленная за вечер, ярость от необходимости быть кем-то другим. А здесь, в этих стенах, можно было быть собой. Можно было слить этот яд, и емкостью для него была она.

– Встань.

Он сказал это тихо.

Диана медленно поднялась. Она стояла перед ним, чуть ссутулившись, похожая на ребенка, которого ругают за провинность.

– Подойди ко мне.

Она сделала шаг.

Он не ударил ее. Не кричал. Он взял ее лицо в свои ладони – жест, который когда-то был ласковым. Теперь это был жест обладания и проверки на прочность.

– Ты мой человек, – прошептал он, глядя ей прямо в глаза, впуская в нее свой холод. – Весь этот мир там – он фальшивый. А здесь – мы. И если нам плохо, то плохо должно быть вместе. Поняла?

Слеза скатилась по ее щеке и упала ему на палец. Он стер ее, размазал по ее коже.

– Не плачь. Это не наказание. Это просто правда. Я с тобой, потому что ты – единственная, кто может это понять. Или нет?

Он ждал. Ждал того, что она скажет «да». Что обнимет

его, извинится, возьмет эту ярость и одиночество на себя, превратит их обратно в тишину. Она была его душкой, его живой, теплой, тихой душой, в которую он мог выдохнуть все, что отравляло его снаружи. И она примет. Всегда принимала.

Диана закрыла глаза, сделала глубокий, прерывистый вдох, и кивнула. Маленький, почти невидимый кивок капитуляции.

Марк отпустил ее лицо, провел рукой по ее волосам – уже мягче, почти с сожалением.

– Иди, приготовь мне чаю. Я устал.

И когда она, послушная, поплыла на кухню, он опустился в еще теплое от нее кресло, нажал кнопку пульта. На экране ожили чужие, смеющиеся лица. Он вытянул ноги и закрыл глаза. Дом был наполнен правильной тишиной. Тишиной после бури, которую он принес с собой и которую она, как всегда, взяла в себя, чтобы он мог наконец отдохнуть.

Утром Диана собиралась на работу. Перед выходом, когда уже ее рука собиралась открыть входную дверь, она услышала тяжелые шаги.

Она замерла на пороге, ключи в одной руке, сумка в другой. Его голос догнал её, мягкий и спокойный, каким он всегда был перед штормом.

– Куда собралась, сладкая?

Она не оборачивалась, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

– На работу, Марк. У меня сегодня смена с девяти.

Он остановился прямо за ней, так близко, что тепло его тела обожгло её спину через тонкую ткань блузки. Он взял её за локти, нежно, почти ласково, и разжал её пальцы. Ключи с легким звоном упали на тумбу.

– Нет, – произнес он тихо, губами у самого её уха. – Никуда ты не идешь.

– Но... Меня ждут. Это же моя работа. – Голос предательски задрожал.

Он развернул её к себе, одной рукой все так же придерживая локоть, а другой откинул прядь волос с её лица. Его глаза, такие ясные и голубые, изучали её, как ученый изучает подопытное насекомое.

– Твоя работа – здесь. Со мной. Заботиться о нашем доме, о нас. А та... контора. – Он презрительно сморщился. – Эти твои коллеги-неудачники, этот начальник-хам... Ты думаешь, они ценят тебя? Они используют тебя, солнышко. А я... я берегу тебя от этого. От всего этого грязного мира.

Он говорил так убедительно, с такой искренней, болезненной заботой в голосе, что на секунду в её сознании мелькнула мысль: «А вдруг он прав?»

– Но мне нужны деньги, – попыталась она возразить, уже чувствуя, как почва уходит из-под ног. – Мы же договаривались...

– Деньги? – Он улыбнулся, и в этой улыбке не было ни капли тепла. – Я прекрасно обеспечиваю нас. Разве тебе чего-то не хватает? Разве я тебя в чем-то ограничиваю? – Его пальцы слегка сжали её локоть, уже не так нежно. – Это не деньги, Диана. Это упрямство. Ты хочешь сделать мне назло. Показать свою... независимость.

Он выпустил её руку и прошелся по коридору, делая вид, что размышляет.

– Знаешь что? Это к лучшему. Ты стала нервной, худой.

Эти твои походы на работу тебя разрушают. Ты не видишь, а я вижу. И, как человек, который тебя больше всех на свете любит, я не могу этого допустить. Сегодня ты останешься дома. Отдохнешь. А завтра... завтра позвонишь и уволишься.

«Нет», – кричало что-то внутри неё. «Нет, нет, нет». Это был её последний островок, крошечный клочок земли, который она называла своим. Но глядя в его спокойное, уверенное лицо, на его сложенные на груди руки, она чувствовала, как сопротивление тает, словно лед под паяльной лампой. Страх был сильнее. Страх потерять его, страх ссоры, страх того невыносимого молчания, что последует за неповиновением. И страх того, что он, возможно, и прав – а вдруг она и впрямь без него пропадет?

– Хорошо, – прошептали её губы, в то время как всё внутри сжималось в комок ледяного отчаяния.

– Умничка, – он осветил комнату сияющей улыбкой, подошел и обнял её, прижав к себе так сильно, что она едва могла дышать. – Я же знал, что ты все поймешь. Иди, переоденься в свое милое домашнее платье. Сейчас я приготовлю нам кофе.

Она медленно пошла в спальню, механически снимая пи-

джак. В зеркале отразилось бледное лицо с пустыми глазами. За ее спиной, на тумбе у входа, лежали ключи. От работы. От мира. От себя самой. Она слышала, как на кухне включилась кофемолка. Будничный, уютный звук. Звук тюрьмы, в которой добровольно остаются, потому что стены ее выложены красивыми обоями, а тюремщик целует на ночь и называет «сладкая».

В этот же день вечером.

– Сегодня мы идем в ночной клуб, ты должна быть на высоте.

– У меня болит голова, Марк, можно я останусь дома.

– Дома? Ты везде должна быть со мной!

– Ну пожалуйста, я не вынесу этого громкого шума.

– Ну как знаешь, пойду один.

Марк пришел домой под утро, от него разило перегаром. Диана не спала, но услышав приближающиеся шаги она закрыла глаза, будто спит.

– Тухлая была вечеринка – произнес Марк.

Посмотрел на Диану.

– Спит, моя сладкая – подумал он. – ну ничего, исправим.

Он стал ее будить.

– Ты уже пришел? Как вечеринка?

– Тухляк, без тебя. Когда эти уроды веселились, мне было скучно.

– Прости, у меня очень болела голова.

– Хорошо выглядишь для больной.

Марк приблизился к Диане.

– Пора исправить свой косяк.

– Марк, пожалуйста, не сейчас, я еще плохо себя чувствую.

– Ничего, сейчас будет лучше.

Марк взял Диану за волосы и притянул к себе. Он снова был груб, совершенно не думая о ее чувствах.

После всего, он откинул ее от себя как вещь и лег спать.

Диана больше не могла выносить такого отношения.

Часть 3. Освобождение

Ветер бил в стекла, словно пытаясь предупредить. Диана стояла в прихожей, сжимая в руках потрепанный рюкзак – не вещь, а символ, вместивший два года жизни. Два года, которые теперь умещались в одно паспорт, две смены белья, фотографию матери и потрепанный томик Цветаевой.

Она не собиралась ничего брать из того, что он ей дарил. Ни бриллиантовые сережки, похожие на кандалы, ни шелковое платье, в котором она чувствовала себя бутафорской куклой. Только свое, самое простое, самое настоящее. То, что было до него.

Из спальни доносилось ровное дыхание. Он спал, счастливый и умиротворенный. После того как заставил ее извиняться в постели. Он был уверен в своей победе, в том, что она снова сломлена. В этом и была его главная ошибка – он перестал видеть в ней человека. Видел только поверхность, гладкую, как лед.

Диана посмотрела на дверь. Не на ту, за которой он спал. А на ту, что вела на лестничную клетку, в промозглую ноябрьскую ночь, в пустоту. Эта дверь казалась ей сейчас и вратами в ад, и дверью в рай одновременно. Потому что

неизвестность пугала меньше, чем привычный, вымеренный до минуты ад.

Она прикоснулась пальцами к синяку на ребрах, спрятанному под толстым свитером. Боль была острой, четкой, настоящей. Последний подарок. Больше – нет.

«Уходишь? Без меня ты никто. Ты ничего не сможешь», – эхом звучал в голове его голос. И он был прав. Она не умела ничего из того, что ценилось в его мире. Но она научилась чему-то другому. Молчать. Выживать. И ждать. Ждать этого самого момента, когда страх остаться окончательно перевесит страх уйти.

Она не оставила письма. Не вывела красивым почерком «Прости» или «Это твоя вина». Ее молчание будет громче любых слов. Его первым чувством будет не боль, а ярость. От уязвленного самолюбия. Как она посмела? Кто она такая?

Диана надела самые простые кроссовки, те, что он называл «позорными». Взяла со стола ключ, оставив свой, от квартиры, аккуратно на блюдечке. Символический жест отрезания.

Пальцы дрожали, когда она поворачивала ручку входной двери. Сердце колотилось так, что, казалось, разбудит весь

дом. Она задержала дыхание, ожидая крика, тяжелых шагов сзади. Но было тихо.

Шаг. Еще шаг. Она на лестничной площадке. Дверь с легким щелчком закрылась за ее спиной. Не замком, а целой эпохой.

Холодный воздух обжег легкие. Диана спустилась по лестнице, не в лифте. Она боялась замкнутого пространства, звука двигателя. На улице моросил дождь. Она закинула рюкзак за спину и пошла, не оглядываясь на освещенные окна своей – уже бывшей – жизни. Она не знала, что будет завтра. Где будет ночевать, на что жить. В кармане жалкие сбережения, отложенные по пятисот рублей за долгие месяцы.

Но впервые за два года она дышала полной грудью, и каждый вдох, несмотря на боль в боках, был сладок. Это был ее воздух. Ее ночь. Ее дождь. И ее путь, страшный, неизведанный, но ведущий только вперед. Прочь от тирании любви, которая была не любовью, а медленным удушьем.

Она просто шла. И с каждым шагом груз, годами давивший на плечи, становился чуть легче. Он еще кричал в ее голове, он еще держал ее за душу когтями, но расстояние между ними уже измерялось не сантиметрами, а метрами. Скоро будет километрами.

Диана ускорила шаг, растворяясь в серой пелене ночного города, как призрак, обретший плоть. Как человек, наконец-то решившийся родиться заново. Сквозь боль. Сквозь страх. Но – самостоятельно.

Дверь в квартиру открылась еще до того, как она успела достать ключ. Мама стояла на пороге, не в фартуке с пирожками, как в сладких снах, а в стареньком домашнем халате, с лицом, на котором были видны морщины. Она просто смотрела – на потрепанный рюкзак, на впалые глаза, на шею, которую дочь инстинктивно прикрывала шарфом.

– Мама, – голос сорвался в шепот, хриплый от слез и молчания.

Слова не понадобились. Мама распахнула объятия, и это был не нежный, осторожный жест, а крепкий, почти грубый захват, будто она вырывала ее из невидимых рук, все еще цепляющихся за плечи. Девушка вжалась в этот знакомый запах – лавандового мыла и домашнего покоя – и впервые за два года позволила себе обмякнуть. Не боясь, что ее слабость используют, не ожидая упрека.

И она плакала. Не красиво, с тихими слезами, а рыдая, захлебываясь, уткнувшись в халат. А мама гладила ее по во-

лосам, спутанным в беспомощный узел, и твердила одно, как заклинание: «Всё, дочка. Ты дома. Всё, всё уже позади».

Потом была кухня. Не накрытый праздничный стол, а простая кружка с чаем, который мама держала в ее руках, разжимая заочневшие пальцы. «Пей. Просто пей». И девушка пила, чувствуя, как тепло разливается по внутренностям, оттаивая что-то ледяное и окаменевшее под грудью.

– Я такая дура, – вырвалось у нее наконец, сквозь ком в горле. – Я же видела, с самого начала... Я думала...

– Не думай сейчас, – тихо, но твердо прервала мама. Ее глаза, обычно мягкие, сейчас были острыми, как скальпель. – Ты выжила. Ты ушла. Ты здесь. Всё остальное – потом.

Она взяла ее лицо в свои рабочие, шершавые ладони. Не жених с его бархатными речами и железной хваткой. А эти руки, которые мыли, готовили, шили и никогда, никогда не сжимались в кулак.

– Никто не имеет права делать тебе больно, – сказала мама, и в ее голосе звучала сталь, которой девушка в ней не знала. – Никто. А тот... он просто оказался чудовищем. Распознать такое с первого взгляда невозможно.

Девушка смотрела в эти родные, уставшие глаза и видела

в них не разочарование, не стыд за сломанную дочь, а яростную, первобытную готовность стать щитом. Стеной. Крепостью. Здесь, на этой старой кухне, под гул холодильника, рушилась та реальность, где ее чувства были ничтожны, а слова – ложью. Здесь ее боль не была досадной помехой. Ее просто любили.

Она вздохнула – глубоко, как будто после долгого ныряния. Жизнь, простая и невозмутимая, шла своим чередом. И она, наконец, была ее частью. Не постановкой, не тюрьмой. Домом.

Мама поймала ее взгляд и слабо улыбнулась.

– Спи сегодня со мной. Как в детстве, когда тебе снились плохие сны.

– Они все еще снятся, – призналась девушка.

– Ничего, – мама вытерла ей мокрую щеку большим пальцем. – Теперь я буду рядом. И мы их прогоним.

На утро Диана с мамой пекли пирожки.

– Мама, я так счастлива, что я снова дома, рядом с тобой.

– Все будет хорошо доченька.

Их милый диалог, прервал звонок в дверь. На пороге стоял Марк.

Ключ от твоего нового замка он, кажется, нашел на тумбочке. Он стоял на пороге, вытиснувшись в дверной проем, и пахло от него не агрессией, а тоской – дешевым одеколоном и нестиранным свитером. Так пахнет поражение. Она этого от него не ожидала.

– Пустишь? На пять минут. Мне просто... нужно поговорить.

Голос у него был сломанный, как после долгой болезни. Диана отступила на шаг, автоматически, и он тут же переступил порог, заполнив собой узкий коридор. Все в нем было знакомо до боли: стертые джинсы, привычка стоять, переминаясь с ноги на ногу, взгляд, который искал ее глаза и не находил их.

Он не сел, когда она предложила. Простоял на середине комнаты, словно на краю пропасти, и говорил в пол.

– Я все понял. Я был... я был ужасен. Я это вижу теперь. Каждую ночь пересматриваю, как орал на тебя по каждому поводу.. Как требовал читать твои переписки. Как сжал твою руку тогда и не отпускал. Во мне будто сидел кто-то другой. А теперь он ушел. И я... я пустой.

Он говорил красиво. Выверенно. Так всегда говорят, когда теряют контроль. В его словах были осколки правды – да, он орал. Да, сжимал руку. Но он аккуратно опустил за-

катывание глаз от ревности, ледяное молчание, которое длилось днями, мелкие уколы: «Ты в этом платье выглядишь... доступно». Он предлагал ей покаяние за конкретные грехи, но не за систему, в которой она была виновата по умолчанию.

– Я иду к психологу, – сказал он, наконец подняв на нее глаза. В них была мокрая, щенячья надежда. – Я делаю упражнения. Учусь дышать, когда злюсь. Я стану другим. Я уже стал. Просто дай мне шанс это доказать.

Он протянул руку, но не чтобы коснуться ее, а будто показывая пустую ладонь. Смотри, никакого оружия. Только я, раненый и понявший.

И что-то в ней дрогнуло. Не любовь – нет, это чувство он выжег дотла. Дрогнула жалость. Знакомая и токсичная. Жалость к этому большому, сломанному мальчику, который стоит в центре ее новой жизни и умоляет вернуться в ад, который стал для нее домом.

Она посмотрела на его сжатые кулаки. Он всегда так делал, когда нервничал. Костяшки белели. Он говорил о дыхательных упражнениях, но его дыхание было коротким, прерывистым. Он говорил, что другой, но его тело помнило старые паттерны: напряжение в плечах, готовность к взрыву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.